

Светлана

Ананьева

ПАМЯТЬ И РОДИНА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ АДИ ШАРИПОВА

Личность, жизненный путь и литературное наследие воина-партизана Ади Шарипова, автора повестей «Огонь в лесу», «История одного полушубка», «Звезды в темнице», путевых очерков, широко известны в контексте казахско-белорусского литературного сотрудничества. В творчестве и судьбе известного государственного и общественного деятеля Казахстана, министра иностранных дел, министра просвещения Казахской ССР, председателя Союза писателей, директора Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Ади Шарипова Казахстан и Беларусь – две страны, близкие и дорогие сердцу писателя-партизана. В Беларуси хранят память о Сашке-партизане – так тепло звали его в партизанском отряде. В Гродно есть улица, названная в его честь...

Ярко и волнующе рассказано в художественных произведениях А. Шарипова о героической борьбе партизан, подробно описаны многие военные операции, «рельсовая» война и т. д. Но повесть «Память» занимает в его творческом наследии особое место, встраиваясь в контекст развития наших национальных литератур, а биография писателя-партизана имеет огромное значение для понимания его творчества, ставшего ценным вкладом в развитие казахской литературы и казахско-белорусских литературных и культурных связей.

Ассоциативные связи концептов *Родина* и *жизнь* сложно переплетены в творчестве этого известного казахского писателя, литературоведа, педагога. В повести «Память» картины прошлого чередуются с настоящим, а настоящее словно возвращает прошлое. Она автобиографична, что дает возможность автору рассказывать о военной юности откровенно. Концепт *память*, вынесенный в заглавие произведения, помогает выстраивать повествование линейно и в то же время чередовать временные пласты. Произведение композиционно построено как путешествие в юность героев и автора-повествователя. Текстовое пространство базируется на функционально значимых компонентах единого смыслового целого, вбирая в себя и эпистолярное пространство. Образы партизан даны в движении и развитии. Особо значим для поэтики произведения рассказ главного героя об одном из эпизодов военной юности, когда после Курской битвы фронт подступил вплотную к партизанским районам Белоруссии.

Картиной пейзажных описаний родины писателя открывается книга А. Жаксылыкова «Сын степей и гор, Адий...»: «Хребет Калбы, что означает на древнетюркском языке Оловянные горы, – это диковинный край гор и холмов, гранитных скал, часто причудливой и даже фантастической формы, сосновых боров и лиственного

леса, зелеными лентами перекидывающихся с отрога на отрог, с седловины на седловину, со склона на склон. Долины здесь меж хребтами лесистые, однако с обширными прогалинами и опушками, заполненные солнцем, плавно-пологие, радующие глаз живописностью... Летом здесь всегда высокий и густой травостой, альпийские луга поражают воображение красотой яркого и пышного цветения под жужжание пчел и жужелиц. Выветренные скалы кажутся угрюмыми воинами-исполинами, идущими маршем на поле великой битвы.

Воздух Калбинского хребта даже знойным летом всегда прохладен, чист до звонкой синевы, напоен ароматом медовых трав. Казахи всегда ценили этот край за богатство жайляу, ибо горные долины надежно укрыты от ветров стеной холмов, по дну каждого ущелья или лощины струятся чистые речки, вода настолько ясная, что ее можно пить безо всякой опаски... Если ты родился здесь и твое сердце открыто просторам и языку красоты, ты не можешь не любить этот дивный край с его золотыми урочищами и каменными нерукотворными замками и крепостями. Куда бы потом ни занесла тебя судьба, голос этих просторов, настоянных на медовых травах и хвойно-терпком воздухе сине-зеленых лесов, всегда будет звать назад, на родину. Нисколько

не удивлюсь тому, что писатель, ученый, ветеран великой войны Адий Шарипов всегда стремился на родину. Сын этих гор, он был навечно пленен красотой древних отрогов Алтая».

В романе А. Шарипова «Дочь степей» концепт Родины – это концепт Степи: «Белоснежные вершины гор словно подпирали небо, вокруг них стояла легкая пена облаков. Ветерок, поднявшийся с рассветом, разглаживал шелковистый ковер степи и шевелил листву карагачей и яблонь». Родная степь и родной Казахстан – навечно в сердце писателя и его творчестве, как и неповторимая военная молодость, которая остается в памяти навсегда.

Концепт *Родина* в творчестве А. Шарипова наполняется конкретным смыслом, выражает особое отношение автора художественных произведений, переведенных на многие языки народов мира, к родной земле и природе. В необозримых белорусских лесах, так памятных герою повести «Память», он «обрел вторую жизнь и вырос как солдат... Грустно все-таки, но и радостно оказаться вдруг снова на земле своей далекой молодости, там, где остался огромный кусок твоей судьбы».

С литературоведческой точки зрения и раскрытия писательской лаборатории интересны размышления современного белорусского прозаика, поэта А. Бадака

который в повести «Идеальный читатель» пишет: «Часто, гуляя по городу, я перебираю в памяти слова, будто гальку для мозаики: я подбираю их друг к другу и складываю в фразы, чтобы после вложить их в уста своих героев. Бывает, слов аж в избытке; бывает, наоборот, их не хватает, но и в первом, и во втором случае далеко не каждый раз удается составить фразы, которые после не рассыпались бы на отдельные слова – так, как это всегда бывает с банальными фразами». А. Шарипов в последние годы своей жизни любил, прогуливаясь по улицам Курмангазы и Тулебаева, делиться творческими планами, рассказывать о новых задумках...

Случайна вроде бы в структуре повести встреча автора-повествователя в поезде с попутчиками, которые, как и ее главный герой, едут в Костюковичи. Цель их поездки благородна: найти след пропавшего в годы войны отца... И вспоминает нарратор, что был у них Петька в отряде, из окружения выбрался. Необыкновенная синева глаз одного из собеседников напоминает кого-то из военной юности. И задушевность, и манера говорить... Но тот Петька, «на которого походил их без вести пропавший отец, погиб в сентябре 1943 года, я сам похоронил его на кладбище возле деревушки Великий Бор». Прошлое и настоящее будто меняются местами, а писатель невольно отображает в тексте художественного произведения и свой жизненный путь.

В послевоенные годы А. Шарипов оставался патриотом, «носителем неистребленного в нем чувства национального достоинства» (М. М. Ауэзов). Неслучайно в лесах Белоруссии он «возглавил штаб крупного партизанского объединения, прославился отвагой и умением подготавливать успешные боевые действия».

Художественное пространство повести «Память» включает многие географические названия: Могилев, Смоленск, Брянск, Буднивец, Клетня, Костюковичи, Ершичи, Краснополье; деревни Глинки, Артемовка, Ворейки, Заводок; станция Павлинки; станционные поселки Бельнковичи, Ворга; местечко Мостицкое; реки Днепр, Беседь; Хотимский лес, Чечерский лес... На послевоенной встрече в Костюковичах, на которую писатель из Казахстана приехал по приглашению своих белорусских друзей, география расширяется: Василий Обросимов приехал из Кемерово, Капитолина Коротченко – из Витебска, Владимир Добровольский с супругой Шурой – из Смоленска, Лида Небебина с Ильей Никитенко... Бывшие партизаны из Москвы, Куйбышева...

В скромной сельской школе Великого Бора во все глаза смотрит на главного героя повести пожилая женщина, подняв руку, словно школьница: «Узнаю и вроде бы не узнаю... Не ты ли Саша-партизан?». Так встретились сорок лет спустя Саша-партизан и учительница из Бельнковичей, выполнявшая задания партизан в тылу врага. «Мы долго смотрели друг на друга, невольно вспоминая прошлое... Это же о ней Виктор сказал, что “клад, а не разведчица”».

Концепт *Родина* для сыновей Петра Афанасьева – Алексея и Павла – это и «землица с Родины. Узелочек... Мать заставила взять», и белорусская земля. «Алексей и Павел торжественно приблизились, остановились, затем медленно опустились на колени и припали головами к невысокому бугорку земли, под которым вот уже сорок лет покоился вечным сном их отец».

Великая Отечественная война застала А. Шарипова в Белостоке Западной Белоруссии, в летнем военном лагере. «Первый бой лейтенант Адий Шарипов принял рано утром 22 июня 1941 года у приграничного поселка. Весь день длился бой, тяжелый и жестокий. Несколько раз поднимал он своих бойцов в атаку, од-

нако силы были неравны. Через несколько дней, чтобы не попасть в окружение, А. Шарипов со своим поредевшим взводом с боями пробивается и выводит бойцов в район Брянских лесов. Здесь он организывает один из первых партизанских отрядов, который стал наносить ощутимый ущерб немцам на территории Белоруссии, Смоленской и Орловской областей России» (С. Корабай).

Главному герою, получившему ясным апрельским днем письма от товарищей из Белоруссии, где в годы войны двадцать семь месяцев воевал он в партизанском отряде, вдруг показалось, что снова слышит «свист бомб, щелканье пуль, которыми имели обыкновение стрелять каратели, гул величественных сосен, надежно укрывавших от врага», ощущает «боль обмороженного лица от секущей струи январской поземки. А затяжная белорусская слякоть и наши многодневные переходы, а зимние броски, когда приходилось брести по пояс в снегу!».

Спустя сорок лет он вновь в Могилеве («Да совсем не тот Могилев, через который лежал наш путь на фронт»). По пути в Костюковичи автору-повествователю кажется, что он начинает узнавать «давние приметы. Весь этот лес мы, выполняя приказ командования о начале “рельсовой войны”, исходили вдоль и поперек. Тогда взлетали в воздух рельсы, шпалы, водокачки, обрушивались в реки железнодорожные мосты, чудовищными кострами полыхали хранилища горючего. Немцы не знали от партизан ни минуты покоя, под ногами оккупантов горела вот эта самая белорусская земля. Никогда не думал, что сейчас, на склоне лет, спустя годы после жестоких и изнурительных боев, я испытываю это непередаваемое чувство: будто здесь, в этих местах я родился и вырос, и вот снова вернулся сюда». Оживающие зарубки в памяти подсказывают, что скоро лес должен перейти в ровное поле, и, действительно, «зеленый массив словно смыло назад, и перед глазами открылось ровное поле озимых».

В необозримых белорусских лесах, так памятных герою повести, он «обрел вторую жизнь и вырос как солдат... Грустно все-таки, но и радостно оказаться вдруг снова на земле своей далекой молодости, там, где остался огромный кусок

твоей судьбы». Зримо выписан образ командира партизанской бригады Тимофея Михайловича Коротченко. В наброшенном на плечи армейском ватнике командир слушает доклад разведчиков об охране станции Павлинки и делает отметки на раскинутой по столу карте. Немцы повесили его жену, но выдержка у командира железная. «Одно слово – человек!», – так характеризует своего командира разведчик Виктор. Так же, чуть позже, он будет характеризовать и новичка Петьку.

Бесстрашный разведчик Виктор, любимец командира, докладывает ему об окруженце, которого приютил хозяин хаты, где разведчики обогревались и перекусывали. Изможденного, одетого в немыслимую рвань новичка доставили по приказу Коротченко в отряд. Беседовали с ним сам Коротченко, начальник особого отдела бригады Осин и секретарь подпольного райкома партии Бахтин. Лейтенант Красной Армии, член ВКП (б), командир взвода автоматчиков попал со своей частью в окружение под Вязьмой. С остатками взвода пытался пробиться к своим... Скоротечный бой со сторожевым охранением гитлеровцев, схватка с полицаем, побег из сарая через разобранную крышу...

Время «выдалось для партизан тяжелое. (Если у партизан вообще бывают легкие времена!), – словно звучит неторопливая речь автора-повествователя. – Готовя летнее наступление, гитлеровцы решили очистить свои тылы от народных мстителей и разработали гигантскую карательную экспедицию. Привлекались не только отряды полицаев, но и регулярные воинские части, снятые с фронта. Бои ожидались жестокие – на уничтожение».

Лес, качая кронами могучих деревьев, провожал партизан на ночные задания («В ночное время проселочные дороги находились во власти партизан. Немцы боялись на них показываться») и охранял их, будучи постоянным союзником, укрывая своим могучим пологом. В лесу с осени оборудована запасная партизанская база. Воспроизводя ночные рейды партизан, операцию по подрыву водонапорной башни в Павлинках, А. Шарипов умело воссоздает художественные образы и портреты. Это и молоденькая учительница, охотно выполняющая задания партизан, внимательно запоминающая детали. И разведчик Виктор, крепкий, сбитый, не знающий усталости («Немного вздремнет, проведет ладонью по лицу и снова бодр, весел, улыбчив, беспрестанно отпускает шуточки»).

Значителен временной отрезок событий военных лет, имеющих в основе фактологичность и достоверность: «Планируя в летнем наступлении сокрушить “Курский выступ” советских войск, немецкое командование предварительно подготовило гигантскую операцию против партизан. Штаб бригады наметил рубежи, где лучше всего встретить наступающего противника (примерно километрах в сорока от нашей базы), разработал маршруты предполагаемого отхода. Нам следовало изматывать врага, наносить максимальный урон, но в затяжные бои не ввязываться и ловкими маневрами уходить от преследования».

Ярко воссоздана операция по перерезанию жизненно важной артерии немецкого организма – моста через речушку Беседь, напоминающую больше «непресыхающее болото – настолько грязны ее отлогие берега, покрытые илом». Пейзажные описания лаконичны: «Медленно уплывало солнце, долго горел и не мог погаснуть закат». Автор обращает внимание на детали, которые хранит его память: «Дождь застал нас в пути. С неба сеяло мелко, нудно, монотонно. Лучшей погоды для нашего задания не придумаешь». Разрушенный мост через речку Беседь вывел из строя почти на месяц железную дорогу.

Командир роты автоматчиков Петр «воевал прекрасно. Он был настоящий солдат, защитник своей Родины, своих детей».

По мере того, как главный герой повести рассказывает своим попутчикам о партизане по имени Петр, сыновья все больше убеждаются в том, что это был их отец: «Как будто все сомнения отпали. Передо мной на вагонной лавке сидели сыновья моего боевого друга. Радость их невозможно было описать. Они смотрели на меня так, словно я сейчас, не сходя с места, сотворю чудо: представлю им живого и невредимого отца, которого они безуспешно искали все долгие послевоенные годы. Мне же предстояло сообщить им печальную весть о том, что отец их погиб, и я сам похоронил его возле небольшой деревушки Великий Бор... Нашелся пропавший без вести солдат. Прекрасно воевал, сложил свою голову в бою, семья вправе им гордиться. Теперь на карте Родины у Афанасьевых из Горьковской области появится дорогая сердцу точка. В героической белорусской земле покоится вечным сном их отец, муж, дед... Я выглянул в окно. Извивы реки, зеленые кущи на берегах, коровы, гуси... Я снова вспомнил так памятную нам речушку. И мост, который пришлось взорвать, чтобы помешать гитлеровцам подбрасывать подкрепления к Курску. Сейчас я его мысленно назвал: Петькин мост».

Как зима сменялась весной в партизанской юности главного героя, так и военные пейзажи сменяются мирными: «Солнце, зелень, стрижи над омутами, белые тугие облака в высокой синеве... Мирная весна на земле, вот уже сорок лет не знающей ужасов войны». Пейзажные описания – один из компонентов концепта Родины в художественной прозе А. Шарипова.

У бывших партизан, собравшихся в Костюковичах (приехало 80 из бригады), общая память: «Мы будем рассказывать своим сыновьям и внукам, как горела под ногами непрощенных захватчиков белорусская земля. Вечно жива память о тех, кто в суровые годы прославил себя героической борьбой».

Память постоянно отсылает к военным годам: «Той осенью наша бригада попала в жестокий переплет. Мы яростно отбивались от наседающего врага. Мне запомнились названия: Чечерский лес, деревня Ворейки. Эту деревню спалили дотла. В ее окрестностях наша бригада выдержала жестокий бой. Петра вынесли из боя мертвым, срезанным пулеметной очередью».

В Могилев главный герой повести возвращается автобусом: «Захотелось последний раз кинуть взгляд на места, где воевала наша партизанская бригада». Памятное место у деревни Заводок. На невысоком холме «коротким перстом в небо возвышался традиционный обелиск... А у меня перед глазами с необыкновенной силой вновь вспыхнули картины боя, грохот выстрелов, разрывов, вспомнились товарищи, которых потеряли, пока отбились и прорвались к своим. И вот их нет, а я хожу по боевым местам, стою возле скромных обелисков и вспоминаю, вспоминаю... Память... Светлая вам память, мои дорогие незабвенные друзья!».

Неоднократно возвращался в Минск и Могилев в мирное время А. Шарипов, бережно хранил письма своих белорусских друзей. Писатель-партизан завещал будущим поколениям дружбу и взаимопонимание, пронесенные через военные испытания и выдержавшие проверку временем.

